

Парфенов Николай Иванович

28/5-1989

ПОРТРЕТ

Сов. культура - 1989 - 28 стр. - с. 4.

ПРЕЖДЕ всего попрошу вас посмотреть на иллюстрацию к статье. Это поможет мне заметно сэкономить на тексте — часть восторгов вы сразу возьмете на себя. Ведь вы уже приветливо заулыбались, поглядев на фото. Верно ведь? Не каждый актер устаивается такой незамедлительной ласки зрителя.

Прошу любить и радоваться — Парфенов Николай Иванович. Комик. Неповторимый комик. Неповторимость его в том, что он — Парфенов Николай Иванович и больше никто другой. Он похож только на Парфенова Николая Ивановича. Впору хоть в таланте отказать: дескать, ничего он и не играет, а «просто такой». Когда-то я первый раз увидел его при исполнении служебных обязанностей и ни на секунду не усомнился в том, что это, конечно же, непрофессиональный актер. Привели с улицы «типажного», а он по простоте душевной спокойно чувствует себя перед кинокамерой.

Бытовала такая шутка: «Лучше всех в кино снимаются слоны, лучше слонов только...» И далее следовала фамилия замечательного артиста. В этой, казалось бы, ехидной шутке не ехидство, а скорее, профессиональное восхищение. Простота и правдивость перед кинокамерой — это редкий дар.

Николай Иванович в работе не правдоподобен, а правдив. Да и к другим он настырен — правду ему подавай.

Так вот этот «непрофессионал» 50 лет работает в Театре имени Моссовета, 40 лет — в кино, 22 года — в «Фитиле».

За редким исключением он не играл главных ролей. Но каждое его появление на сцене или в кадре включало в зале электричество хохота. Как бы сбивчивый, но внятный текст. Глаза вроде бы шало поглядывают на зрителя — чего это вы хохочете? И вообще — да ну вас, сейчас уйду и сидите тут без меня. Но не уходит. Он в нас не только смешливость, он в нас и ум нащупывает.

А мы хохочем, еще и не дождавшись текста. А когда текст заканчивается, становимся почему-то печальными. Его не волнует — засмеемся ли мы? Его беспокоит — почему мы засмеемся? Как вы понимаете, речь идет о пилотаже в актерской профессии.

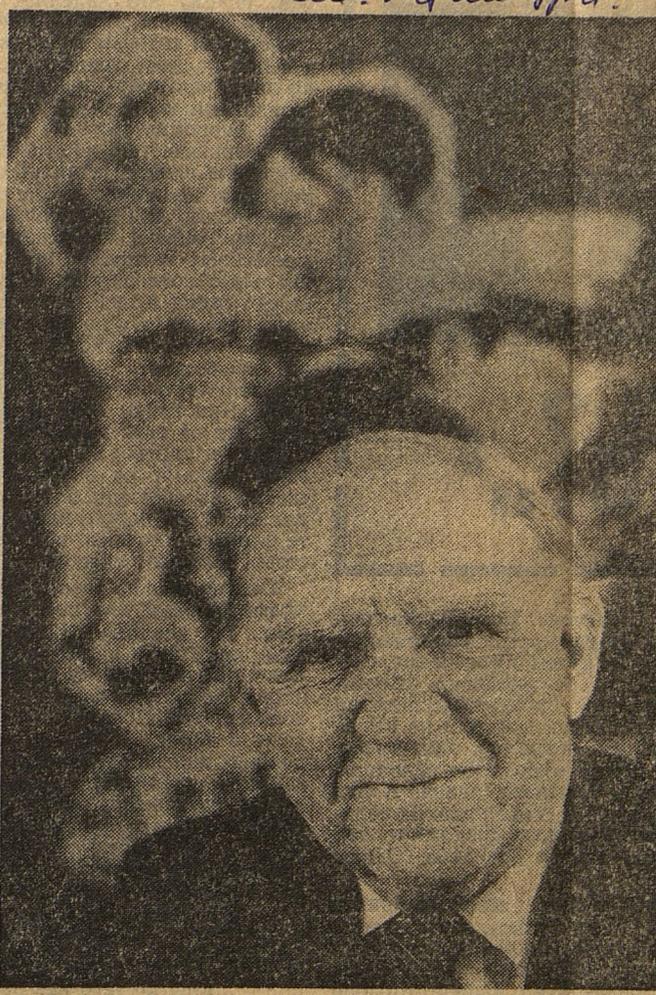
Мне давненько хотелось встретиться с Николаем Ивановичем и написать о нем. В моем представлении — это артист с исконным почерком российской театральной школы. В амплуа комика. А амплуа нынче не в моде. Нынче синтетическое подавай. Вплоть до сорочек. Вот и думалось мне написать не про роли, не про регалии. А попытаться понять — откуда комики берутся? Из чего они сделаны? Из какого баснословного материала?

В общем, завылся к Парфенову с концепцией.

А он прямо в дверях простенно говорит:

— Давайте я вам стихи прочитаю.

— Чьи?

Лукавый КОМИК МОЙ...

— Чьи же? Свои!

Это из самого ужасного, что один человек может предложить другому человеку.

— Отчего же инет? Но позже! — поспешно воскликнул я. И, успокаивающе поглаживая его по спине, пошел в комнаты. Тем временем развивая концепцию.

— Николай Иванович, вы — всеми любимый комик...

— Кто комик? Я — комик?

Парфенов пошастал по комнате, умоляюще взывая к фотографиям на стенах. Потом бочком возвратился, разглядывая меня по дороге, словно нечто диковинное. И назидательно сообщил:

— Я — очень серьезный актер! Комики не работают арматурщиками на «Серпе и молоте».

Покаюсь публично, меня начало разбирать раздражение — то со стихами лезет, то от комика отрешивается.

— Но с «Серпа» вас взяли в искусство не за римский профиль, а за комедийные данные.

— И ничуть! Все только серьезно! Прочитал в «Комсомолке» объявление, что в студию Театра имени Моссовета набор. Пришел в серьезной косоворотке и исполнил серьезного Маяковского.

Во главе приемной комис-

сии сидел Любимов-Ланской. В пенсне, цепочка до полу. Я как на него выверюсь: «Профессор, снимите очки-велосипед!!!» Меня комиссия только что взашей не вытолкала.

Любимов-Ланской (мне потом рассказывали) пенсне своим на цепочке поиграл и сказал: «Да, неотесанный. Зато непосредственный. Доверьте его, товарищи, мне». Вот так моя косовороточка с его пенсне подружилась.

И поручили мне уже на 2-м курсе роль Расплюева в «Смерти Тарелкина». Серьезнейшая роль! Зрители очень смеялись. Кто их, зрителей, поймет? Спектакль в репертуар театра перевели. Потом убийду во «Врагах» играл. Куда уж серьезней! (Парфенов гыгкнул и отвернулся, заканчивая улыбку уже куда-то в сторону). Потом Степкина в «Далях неоглядных» Вирты играл. Ну, разве не серьезный автор?

— Да, Суров и Ромашов и еще посерьезней были... Ну, поскольку, как я погляжу, вы — природный трагик с «Серпа и молота», то в кино вы, видимо, прямо с Гамлета начали?

— Нет, не хочу врать. «Гамлета» тогда не ставили, чуждый персонаж. Я в 1946 году в «Сыне полка» автоматчика сыграл. Серьезный человек при автомате. А мне режиссер говорит: «Тебе на натуру ехать нельзя, не пу-

скают. Сходи к товарищу...» Фамилию сейчас уж не упомяну. А товарищ мне говорит: «Мы вам не доверяем, у нас есть сведения, что вы — растлитель малолетних». Я спорить не стал: «Очень может быть», — говорю, — поскольку я не знаю, что это такое». Он мне так подробно стал объяснять. А пока объяснял, мы с ним оба догадались, что «сведения» у него неточные. Товарищ принялся извиняться. «Нет! — закричал я. — Никаких извинений быть не может! Какие еще извинения! Я же понимаю, у вас серьезная работа!» Да, много «серьезных людей» в жизни пришлось встретить. Так началась моя киножизнь.

— А как на вашу косоворотку отреагировал Завадский, когда в театр пришел? Он ведь несколько иначе одевался.

— О, это бог пришел! Я его боготворил! Да чего вы попрекаете? Я косоворотку тогда уже не носил. Исключительно крепдешиновые галстуки! Он мне, наверное, поэтому хорошие роли и давал.

Помню, он прознал, что я «Графа Нулина» читаю. Серьезное дело! Захотел послушать. А там ведь кое-что по-французски. А у меня и сейчас-то владимирское «о». И вот сидит он на широком диване, лицо бледное, пальцы длинные и слушает мой «французский». Господи, что за наказание человеку! По-

— Вижу, в жизни мало смешного?

— Люблю на рынок приходиться, на людей поглядеть, на цены. Чего уж тут смешного? Недавно на выставке молодых художников был. Серьезные люди! Смотришь на портрет и поговорить с ним не хочется. Модерн! А может, они — комики? Только ведь смеяться надо не ради смеха, а ради правды. Правда, она вызывает на свет божий юмор наиболее точный... Слушайте, ну давайте я вам стихи прочитаю.

Ну ладно, думаю, раз от роли хорошего комика отказывается, так пусть хоть плохие стихи почитает.

А он мне прочитал весьма и весьма хорошие стихи о том, как к деду в родное Медвежье ездил... «Медвежье славилось лаптями и изобильем комаров...» Светлые, добрые стихи. Напоенные любовью к отчому. Гордиться тоже надо уметь.

Николай Иванович якобы отрешивается от амплуа комика. А не исключено, что под этим есть и некая доля истины. Не в довольстве у нас Комик. Не спешите гневаться, это так. Нет, смешное мы уважаем, но исключительно в виде сатиры. Если социально не нагрузишь, то «голое смехачество». Да, я отдаю себе отчет в том, что говорю это в наши «публицистические дни». Просто и не представляю, что бы нынче делал молоденький Игорь Ильинский.

Ну давайте пальцы загнать — Вицин, Светин, Парфенов... А еще семь пальцев? Желание иметь комиков вроде бы есть, а спрос нет. Все исключительно сатирами польхаем. Или человеку потешиться зазорно? Но ведь такая «зазорность» противостоит естественна.

Значит, посударили мы, посудачили с Николаем Ивановичем. Полукавил он, значит, на мой счет. И вдруг лукавая усмешка куда-то исчезла, и Николай Иванович даже как-то умоляюще стал настаивать:

— Вы вот что обязательно запишите: я с Михаилом Талем ничью сделал.

— Ну ладно уж вам!

— Нет, вот это совершенно серьезно. Спросите у кого хотите.

Уж не знаю, получилось ли у нас с вами понять — из какого баснословного материала делаются комики? Я старался. Даже в надежде на озарение находчиво спрашивал: «А как родители к юмору относились?» А он, знаете, так просто сказал: «Да уж до юмора ли тогда крестьянам было?»

Наутро я все-таки позволил Парфенову и концептуально съехидничал:

— Вы, конечно, неописуемо серьезный артист, но почему в зале хохочут?

— А потому, что серьезные.

Мы помолчали. Он вздохнул и с какой-то детской надеждой напомнил:

— Про Михаила-то Талея не забудьте написать.

Э. ГРАФОВ.

● Н. Парфенов.

Фото Н. Самойлова.